

ДОМ С СОТНЕЙ ЧАСОВ

ЭНН МЭРИ ХАУЭЛЛ

Не жди, пока часы остановятся...

Поместье с тайнами

Энн Мэри Хауэлл
Дом с сотней часов

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

Хауэлл Э.

Дом с сотней часов / Э. Хауэлл — «Эксмо», 2020 — (Поместье с тайнами)

ISBN 978-5-04-159781-8

Хелена знала, что уезжать из Лондона – не лучшая идея. Но она и не представляла, какое испытание ждёт её семью. Отец девочки устроился в дом мистера Уэсткотта хранителем часов и подписал ужасный договор: если хоть одни часы остановятся, то их семья потеряет всё своё имущество! Кто же знал, что часов в доме больше сотни?! Хелена не понимает, почему мистер Уэсткотт так боится, что его часы потеряют свой ход? Кроме того, она находит по всему дому странные рисунки. А ещё ей кажется, что за ней кто-то следит...

УДК 821.111-93

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-159781-8

© Хауэлл Э., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Энн Мэри Хауэлл Дом с сотней часов

© Рыбакова Е.Ю., перевод на русский язык, 2021

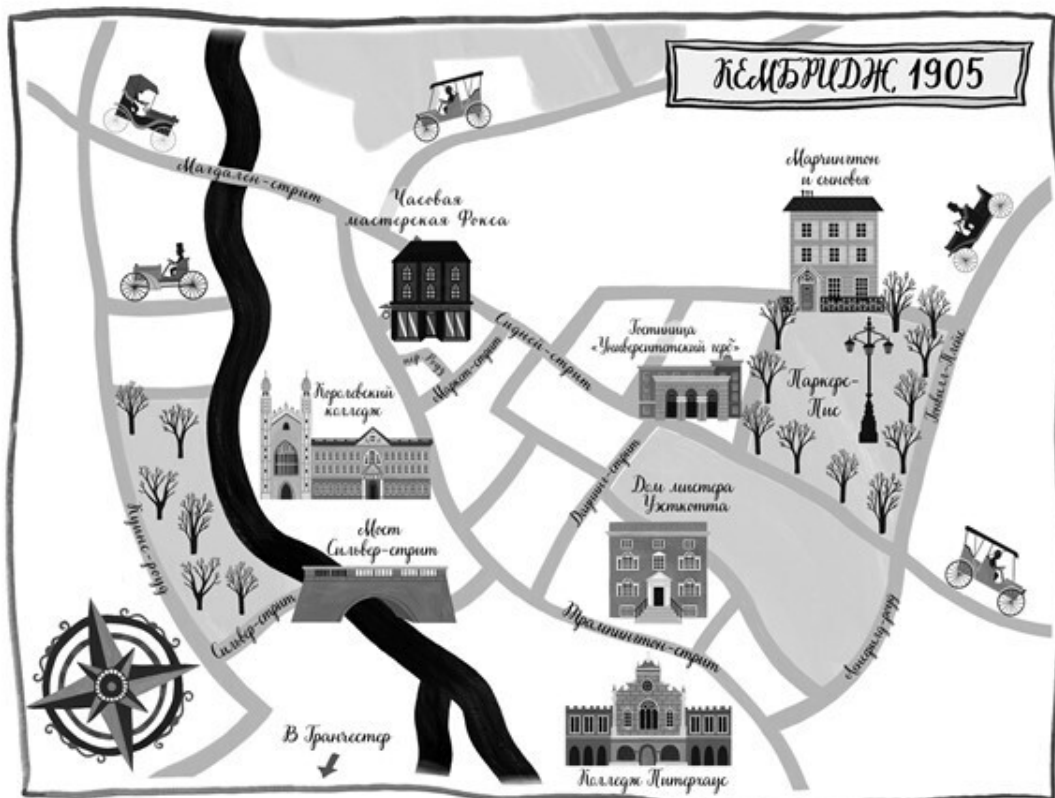
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Беги из дома с часами.

Не медли.

Не жди, пока часы остановятся...

Джерemi, Джеку и Эду

Глава 1 Контракт

Хелена до боли в пальцах стиснула прутья стоявшей у неё на коленях птичьей клетки, и по спине побежали мурашки. Худой как щепка мистер Уэскотт перегнулся через стол и, прищурившись, рассматривал попугая плотоядным взглядом.

– Вы забыли упомянуть в своём письме, что привезёте с собой... птицу, – проговорил он, морща мертвенно-бледное лицо и переводя глаза с часовщика на девочку.

Сестра мистера Уэскотта в шёлковом платье персикового цвета с высокой талией стояла рядом с братом, положив руку в перчатке на спинку его стула. У них были одинаковые маленькие сапфирово-синие глаза. Мистер Уэскотт улыбнулся Хелене; его сестра сохраняла весьма серьёзный вид.

Взглянув на отца, сидевшего прямо, с напряжёнными плечами, Хелена поёжилась.

– У Джека и Джилл садовник служил, жил не тужил! Восторг! – прокричал попугай.

Мистер Уэскотт нахмурился.

– Тише, – шепнула Хелена и через прутья клетки погладила пальцем блестящие синезелёные перья хвоста попугая. Мистер Уэскотт назвал любимца её матери «птицей». Но Орбит был не просто старой птицей, а синелобым амазоном. Мистеру Уэскотту необходимо знать об этом, но Хелена чувствовала, что сейчас не время читать ему лекции об экзотических животных.

Мисс Уэскотт сверкнула глазами и произнесла мелодичным голосом:

– Какой чудесный попугайчик.

Хелена начала понемногу успокаиваться и ответила женщине тёплой улыбкой. В общем деревянными панелями кабинета, забитом книгами и бумагами, улыбка мисс Уэскотт была поистине ослепительной. Когда она взглянула Хелене в глаза, девочка пожалела, что не надела своё лучшее пальто с синими шёлковыми пуговицами, и потянула коротковатые рукава

бежевого хлопкового плаща – отец сказал, что он больше подходит для пребывания в Кембридже в таком прохладном, неприветливом июне.

– Примите мои искренние извинения, мистер Уэсткотт. И вы, мисс Уэскотт, – подёргав коротко стриженную бородку, сказал отец и бросил дочери взгляд, который она истолковала как «Заставь попугая замолчать от греха подальше». – В своём письме вы ясно дали понять, что срочно ищите хранителя часов, и я не успел должным образом подготовиться. А моя дочь не расстанется с попугаем.

Мистер Уэсткотт встал и подошёл к большому окну, выходящему на Трампингтон-стрит, откуда открывался вид на цветистый ковёр, расстилающийся за обнесёнными оградой университетскими садами. Он сложил руки и слегка фыркнул. С улицы доносились звуки города: цокот лошадиных копыт и грохот повозок, детская беготня и залиvistый смех, звяканье велосипедных звонков. Хелена ненадолго прикрыла глаза и представила, как выйдет на свежий воздух из этой гнетущей комнаты, где всё выглядит тусклым и пыльным.

– Ну что ты, дорогой братец, – простодушно проговорила мисс Уэсткотт. – Какой же вред от попугая?

– У меня нет такой страсти к птицам, как у тебя, Кэтрин, – ответил мистер Уэсткотт, явно на что-то намекая. Он обернулся, сердито зыркнул на сестру и, немного помолчав, отрывисто произнёс: – Ладно. Но птица должна сидеть в клетке, иначе она станет летать по дому и разобьёт часы. – Кожа на его лице, и без того невероятно бледная, стала почти прозрачной, как у вампира, который никогда не видит дневного света.

Хелена нахмурилась. Мистер Уэсткотт, похоже, не особенно любит птиц, но его сестра, по крайней мере, кажется чуть более доброжелательной.

Орбит появился в жизни девочки четыре года назад. Мама увидела говорящего попугая в зоомагазине, куда они всегда заходили по дороге домой из школы, и он совершенно пленил её. Отец щедро выложил больше половины месячного жалованья, чтобы преподнести птицу жене в подарок на день рождения. Владелец магазина предлагал взять более красивого (и более дорогого) попугая, с золотистыми перьями, но переубедить маму ему не удалось. «Спасибо, – широко улыбаясь, ответила она. – Но в этом попугае меня восхищает не внешний вид, а голос и характер. Сдаётся мне, он прекрасно впишется в нашу маленькую семью». И она не ошиблась.

– Моего попугая зовут Орбит, – нечаянно вырвалось у Хелены. Мама всегда говорила, что привычка высказываться, не думая о последствиях, – её самое милое качество, способное, однако, принести неприятности. Судя по недовольному прищуру мистера Уэскотта, он не считал эту особенность милой. Хелена вжалась в стул так, что деревянная резьба впилась ей в спину.

– Какое интересное имя для птицы. – Кэтрин Уэскотт снова одарила Хелену приветливой улыбкой. – Я буду рада, если меня представят Орбиту... разумеется, позже. – Она опасливо глянула на брата.

Стоявшие на столе мистера Уэскотта дорожные часы издали мелодичный перезвон, отмечая четверть часа. Этот звук напомнил Хелене тихий водопад. Из других комнат тоже стал доноситься бой часов: высокий, пронзительный, глубокий, серебристый, тонкий. Орбит, расширив зрачки, визгливо закричал. Хелена испугалась и крепче схватилась за прутья клетки. Сколько же у мистера Уэскотта часов?!

«Работа хранителя часов оплачивается невероятно щедро, Хелена, – поблескивая глазами, объяснил девочке отец на прошлой неделе. – К тому же нам предоставят бесплатное питание и проживание, так что я смогу откладывать весь заработок до последней монеты на собственную часовую мастерскую. Да и Кембридж, судя по всему, прекрасный городок. Думаю, перемена места жительства пойдёт нам с тобой на пользу».

«Но я хочу остаться в Лондоне, – покачала головой Хелена. Она оглядела маленькую гостиную в их пригородном типовом доме и остановила взгляд на портрете с изображением

всей семьи – её самой, отца и матери, – написанном два года назад, в 1903-м, ей тогда было десять лет. Круглое мамино лицо сияло здоровьем, и ничто не предвещало, что вскорости ужасная болезнь унесёт её в могилу. – Здесь все наши вещи. Все мамины вещи».

«В кармане вошь на аркане. Мама, мама, мама!» – отгарабил Орбит, пройдясь по спинке кресла к плечу Хелены, и стал тянуть её за прядь каштановых волос, пока девочка чуть не вскрикнула от боли. Она взяла Орбита на руки и посадила его себе на колени. Со смерти матери прошёл почти год, а птица всё ещё тосковала.

«Я согласился принять предложение мистера Уэсткотта и остаться, пока он нуждается в моих услугах, но это не навсегда. А дом мы закрём, и наши вещи никуда не денутся», – твёрдо произнёс отец, решительно заканчивая разговор, и Хелена поняла, что вопрос уже решён.

Вспомнив, что они приехали сюда на неопределённое время, Хелена приуныла.

Мистер Уэскотт снова взглянул на неё и на попугая и отвёл глаза.

– Вы понимаете условия договора, мистер Грэм? – спросил он, двигая кадыком на цыплячьей шее. – Полагаю, вам его выслали заранее?

Хелена наморщила нос. Какие ещё условия?

– Да, – ответил отец, сдвинув брови, и с какой-то тревогой посмотрел на дочь.

Мистер Уэскотт открыл папку и, вынув плотный листок бумаги, протянул его через широкий стол, на котором стоял вычурный медный телефон с деревянной трубкой. Хелена заметила, что за время разговора отец несколько раз оценивающе поглядывал на аппарат, и сделала вывод, что мистер Уэскотт, должно быть, очень богат: она не знала ни одного человека, способного позволить себе иметь телефон в доме. Несколько секунд мистер Уэскотт подержал листок в руке, словно сомневался, нужно ли с ним расставаться.

Хелена наклонилась вперёд, чтобы рассмотреть слова. Кремовая бумага была покрыта мелкими буквами с завитками.

...всё имущество...

...передано во владение...

...причинён ущерб...

...если, паче чаяния, хотя бы одни часы остановятся...

Хелена громко втянула воздух ртом. Мистер Уэсткотт и его сестра уставились на неё, отец же, не обратив на это внимания, взял перо, обмакнул его в чернильницу и подписался внизу документа.

– Очень важно, чтобы все часы в доме всегда шли и содержались в рабочем состоянии, – сказал мистер Уэсткотт.

Хелена взглянула на хозяина, который теперь смотрел на тёмный старый семейный портрет – джентльмен и дама с двумя детьми, стоящие рядом с огромными напольными часами. Мистер Уэскотт шмыгнул носом и провёл под ним пальцем.

– Ни одни часы не должны останавливаться – никогда. Вы осознаёте последствия?

– Папа! – тоненьким голоском произнесла Хелена. Здесь явно чего-то недоговаривают, и её от этого бросило в дрожь.

– Папа, папа! Тише, мыши, кот на крыше! – взвизгнул Орбит.

– Я не понимаю. – Клетка на коленях девочки вдруг потяжелела. – Что будет, если часы встанут?

– Я потом тебе расскажу, Хелена, – строго проговорил отец, передавая подписанный документ через стол мистеру Уэскотту.

– Дорогое дитя, тебе не нужно ни о чём беспокоиться, – заверила Кэтрин. Только теперь Хелена заметила в её шелковистых тёмных волосах белые гребешки с нежно-голубыми перьями.

Отец кашлянул и повернулся к дочери:

– В мои обязанности входит заводить часы и поддерживать механизмы в порядке. Если хотя бы одни часы остановятся... то мы передадим... в качестве возмещения убытков всё своё имущество.

У Хелены встал ком в горле.

– Хиханьки да хаханьки, – прочитал Орбит, как заведённый кивая головой.

– Если часы сломаются, мы откажемся от всего, что у нас есть? – Хелена прерывисто дышала и никак не могла набрать в лёгкие достаточно воздуха. – Но почему?!

– Часики тик-так, тик-так! – громко выкрикнул Орбит.

Отец взглянул на мистера Уэскотта и его сестру явно с просьбой о помощи. Но казалось, эти двое не могли ему ничем помочь – или просто были не в настроении поддержать его.

Хелена умоляюще, как она думала, посмотрела на Кэтрин Уэскотт.

– Совершенно верно, – наконец произнесла Кэтрин и взяла в руки подписанный договор. Щёки у неё слегка зарумянились. – Договор имеет целью... удерживать вас от нежелательных поступков. Он гарантирует, что любой хранитель часов, которого нанимает мой брат, будет выполнять возложенные на него обязанности и позаботится о том, чтобы часы не останавливались. – Она помолчала и задержала взгляд на отце Хелены. – И ещё, мистер Грэм, необходимо, чтобы условия договора остались между нами. В этом доме вы можете стать свидетелем неожиданных явлений, но то, что вы с Хеленой увидите, нельзя обсуждать ни с кем, даже друг с другом. – Кэтрин Уэскотт прижала документ к груди. – В противном случае предусмотренные договором меры вступят в силу и вы лишитесь своего имущества. – Она взглянула на отца с дочерью, словно бы извиняясь, – по крайней мере, так показалось Хелене.

Мистер Уэскотт со строгим выражением лица посмотрел на сестру и снова отвёл глаза.

Хелена, часто моргая, пыталась уяснить сказанное, но прозвучавшие слова казались какой-то бессмыслицей, а её вопрос так и повис в воздухе без ответа.

Взгляд мистера Уэскотта упал на золотую клетку Орбита. В глазах хозяина плясал странный лихорадочный огонёк.

Хелена обвила клетку руками, чувствуя, как от дурных предчувствий сводит живот. Сначала её вынудили переехать из уютного дома на окраине Лондона в какой-то душный особняк, а теперь оказывается, что они с отцом легко могут лишиться всего своего имущества, включая самый ценный, незаменимый предмет собственности, который ни в коем случае нельзя потерять. И самое странное, ни о чём в доме нельзя говорить... На что это отец подписался?!

Глава 2

Стэнли Ричардс

– Мне ужасно жаль, что условия договора такие жестокие, – сказала мисс Уэскотт, которая разрешила называть себя «Кэтрин». Она проводила новых работников из кабинета мистера Уэскотта, и Хелен услышала, как за ними заперли дверь. – С тех пор как восемь месяцев назад от него ушла жена, мой брат не в себе. – Кэтрин поднесла руку к горлу, словно ей было больно произносить эти слова. – Эдгар чрезвычайно дорожит часами. Больше, чем... больше всего на свете. – Она помолчала, грустно качая изящной головкой, но потом прогнала с лица печаль и потянула за висящий на стене шнурок колокольчика.

Хелена услышала отдалённый звонок, затем тяжёлые шаги поднимающегося по лестнице человека.

– Стэнли покажет вам ваши комнаты, – объяснила Кэтрин, – и познакомит с распорядком дня в доме. – Она вынула из маленькой сумочки карманные часы с эмалевым циферблатом, взглянула на них и нахмурилась. – У меня назначена другая встреча, так что мне нужно идти. Тем не менее каждый вечер я прихожу проверять, как содержатся часы. – Она наклонилась к Хелене и заглянула ей в глаза. Свежий, слегка дурмящий запах духов напомнил девочке о прогулках в напоённом цветочным ароматом саду. – Я с нетерпением жду возможности познакомиться поближе с твоим чудесным попугаем, Хелена, – сказала Кэтрин.

Хелена выдавила из себя широкую улыбку:

– Я тоже.

Кэтрин Уэскотт старательно кивнула и, шурша юбками, выпорхнула из дома. Хелене вдруг захотелось догнать её. Когда утром их поезд из Лондона, пыхтя, пробирался по низинам Восточной Англии, девочка пыталась выведать у отца подробности о мистере Уэсткотте и о доме, где они будут жить.

«Мистер Уэсткотт – один из самых богатых людей в этой части страны. Его семья приобрела состояние, вкладывая деньги в типографии и газетные издательства. Говорят, у него чуть ли не самый большой дом в Кембридже. Мы будем жить там как его гости, пока я буду ухаживать за часами», – ответил отец. Чемоданчик с инструментами для починки часов рас-

качивался у него на коленях – опасаясь, что инструменты могут выпасть и сломаться, отец отказался ставить его на полку над головой.

«А жена и дети у него есть?» – поинтересовалась Хелена, надеясь, что в доме у неё будут друзья.

«Я не слышал, – признался отец. – Но знаю, что у него есть сестра Кэтрин, которая очень о нём заботится и беспокоится о состоянии его коллекции часов. Она приезжает к брату из Лондона, но останавливается где-то в другом месте – мистер Уэсткотт предпочитает уединение».

Хелена приободрилась: возможно, даже без товарищей по играм жизнь в красиво обставленном кембриджском особняке, где вкусно кормят, будет не такой уж страшной. Начало лета в Лондоне выдалось сырым: выходя на прогулки, приходилось надевать плащ, а по вечерам топить в гостиной камин, и Хелена надеялась, что в Кембридже погода стоит солнечная, а пение птиц скрашивает прохладные дни. Девочка представляла, как после работы они станут гулять по диким речным берегам, где носятся весёлые стрекозы, или по вечерам подолгу пить чай с пирогом, наблюдая за плывущими по реке лодками с дурачащимися студентами. Может быть, отцу нужны эти перемены, чтобы он вспомнил, как много времени проводил с дочерью раньше, прежде чем их жизнь так чудовищно изменилась и он заперся в часовой мастерской.

Но все мечты о пении птиц, идиллических пейзажах и прогулках по незнакомому городу растаяли, как только Хелена начала понимать условия работы, которую взял на себя отец. Как он мог согласиться в случае остановки часов отдать всё имущество мистеру Уэсткотту?! И за каким именно количеством часов придётся следить? Хелена огляделась вокруг – и только в коридоре насчитала двенадцать штук!

Когда за Кэтрин захлопнулась входная дверь, по коридору к ним приблизился, стуча ботинками, коренастый молодой человек в твидовом костюме, на вид не больше восемнадцати лет. От улыбки его крепкие щёки напоминали круглые яблоки. Увидев у ног Хелены клетку с Орбитом, он с удивлением распахнул глаза:

– Какой забавный попугай! Мальчик или девочка?

– Мальчик, – тихо ответила Хелена. – По крайней мере мы так думаем. У попугаев это трудно определить.

– Он умеет говорить? – поинтересовался юноша.

– Ещё как, – немного расслабившись, сказала Хелена.

– Хиккори-диккори! – каркнул Орбит.

– Вот чудо! – с восторгом воскликнул молодой человек. – Ах, я не представился. Меня зовут Стэнли Ричардс – пожалуйста, зовите меня просто по имени. Я работаю в семье Уэсткотт. – И он протянул руку.

Хелена растерялась: должна ли она пожать юноше руку? Кончики пальцев у него были испачканы чернилами и чем-то похожим на мел. Девочка иногда сопровождала отца во время визитов в богатые дома престижных частей Лондона вроде Челси и Кенсингтона, где он чинил часы. Там слуги были в чёрных костюмах и белых перчатках, и посетитель, чтобы сообщить хозяевам о своём прибытии, клал на серебряный поднос визитную карточку. Не могло быть и речи о том, чтобы пожимать прислуге руку или называть кого-то из них по имени. Стэнли же смотрел на Хелену выжидательно, искренне улыбаясь, и девочка невольно улыбнулась ему в ответ. Может быть, в Кембридже просто другие правила этикета? Она тоже протянула руку, и Стэнли крепко пожал её, оставив у неё на ладони следы белого порошка.

– А вы, должно быть, мистер Грэм, – сказал он, повернувшись к часовщику. – Добро пожаловать в дом мистера Уэсткотта.

Хелена оглядела большой коридор и вытерла испачканную мелом руку о плащ. Это жилище ничуть не напоминало жилой дом. Где же изысканные, обитые шёлком стулья, высокие вазы с благоухающими цветами, ковры? Где уютное потрескивание поленьев в камине, прогоняющее вечернюю прохладу? Ничего общего с домашним очагом.

Вдоль каждой стены широкого коридора стояли по шесть напольных часов в корпусе из тёмного дерева – такие высокие, что резные навершия почти касались потолка. Маятники ритмично качались за выпуклыми стёклами, словно махали руками. В конце коридора, перед холодным зевом камина, стоял стол с похожими на свадебный торт большими четырёхъярусными часами в виде золотой пагоды, и от их быстрого тиканья у Хелены захватило дух. Справа и слева располагались столики поменьше, на которых громоздились золотые и серебряные дорожные часы. Хелена стала разглядывать призрачные отпечатки на стенах, где когда-то висели картины, а вокруг звучало и отражалось эхом мерное постукивание. Это был не дом, а музей, до самой крыши забитый часами.

Хелена подняла клетку с попугаем и прижала её к груди. Стэнли подхватил громоздкий чемодан новых жильцов и повёл их к лестнице. Девочка стиснула зубы и сосредоточилась на пятках чёрных ботинок юноши. Глаза защипало. Как мог отец согласиться работать здесь бессрочно?! От злобных взглядов мистера Уэскотта в сторону Орбита Хелен бросило в дрожь. А договор! Кэтрин, похоже, не одобряет его условий, но, видимо, она не обладает большим влиянием на брата.

– Какая удивительная коллекция часов! – пробормотал отец, когда они медленно поднимались по лестнице.

Стэнли остановился на площадке второго этажа и, поморщившись, переложил чемодан из одной руки в другую:

– Да, мистер Грэм. Думаю, их тут около сотни: напольные, дорожные, с открытым механизмом, не говоря уж о карманных.

– Куранты, куранты! – высоким голосом пропел Орбит.

– А почему уволился предыдущий хранитель часов? – полюбопытствовал отец. – Я задавал это вопрос в письме к мистеру Уэскотту, но не получил ответа.

– Боюсь, мистер Уэскотт не посвящает меня в подобные обстоятельства, – слегка пожал плечами, сказал Стэнли.

Отец уверенно улыбнулся ему:

– Что ж, тогда покажите нам поскорее комнаты, чтобы я мог приступить к работе.

– Прямо сегодня?! – воскликнула Хелена. Было почти шесть часов вечера, и она надеялась на лёгкий ужин (и фрукты для Орбита), а потом собиралась лечь спать с дороги.

– Конечно, Хелена. Нельзя терять время. Я должен сделать опись часов, проверить их состояние, выяснить, какие из них нужно завести, – ответил отец.

– Разумеется, мистер Грэм. – Стэнли продолжал подниматься по великолепной лестнице с резными перилами, словно оплетёнными виноградными лозами. Остановившись, он просиял добродушной улыбкой. – Должен сказать, я ужасно рад, что вы здесь поселитесь.

В ответ на приветливость Стэнли Хелена, сама того не желая, выдавила полуулыбку, досадуя, что губы иногда делают это помимо её воли. Ничего приятного в данной ситуации не было. На самом деле она пережила ужасный день и не могла дождаться, когда останется с отцом с глазу на глаз и выскажет ему своё мнение.

Стэнли поднял голову к большим глухо тикающим напольным часам.

– О боже, – вздохнул он, со стуком опуская чемодан на пол. – Приготовьтесь. Сейчас часы будут бить.

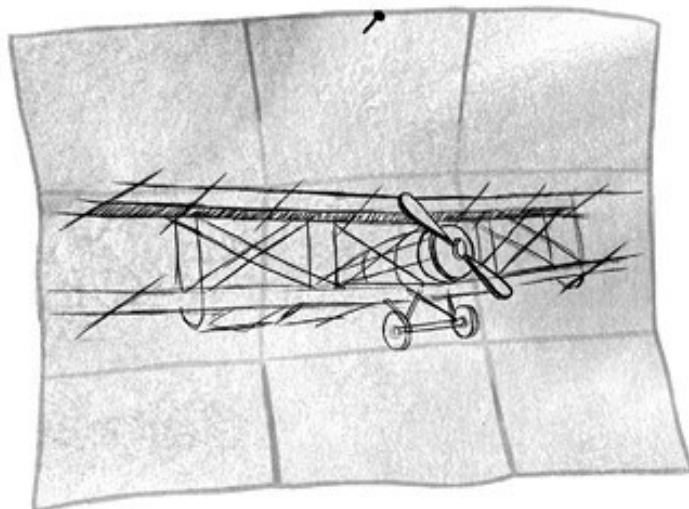
Хелена с отцом переглянулись.

Стэнли соорудил извиняющуюся рожицу и закрыл уши руками.

Отец наморщил лоб, явно тоже находясь в замешательстве. С каждой минутой этот странный дом удивлял их всё больше и больше.

Глава 3 Летательный аппарат

Первый громкий удар издали часы, рядом с которыми они стояли. Орбит испуганно вскрикнул и захлопал крыльями о прутья клетки.

Второй, третий и четвёртый удары поднялись вверх по лестнице как дым.

Пятый и шестой, настойчивые и пронзительные, доносились с верхнего этажа.

Дальше сосчитать их было уже невозможно.

Низкий бой, высокий звон, тонкое треньканье, крик кукушки, однообразная дребезжащая мелодия, похожая на звуки заводной музыкальной шкатулки, которую отец однажды смастерил Хелене на Рождество.

Стэнли не отнимал рук от ушей и стоял зажмурившись, словно оглушительная какофония причиняла ему боль.

Отец удивлённо разинул рот и, склонив голову набок, прислушивался к пению часов, как будто изучал их «голоса» по отдельности.

– Они бьют не синхронно, – перекрикивая шум, сказал он. – Это надо немедленно исправить.

Орбит стал раскачиваться в клетке из стороны в сторону.

– Дин-дон-бамс! – крикнул он, и его глазки-бусинки расширились от испуга. – Мама, мама, мама!

– Тише, Орбит, не бойся, – успокоила его Хелена, хотя ей бы и самой не помешало утешение.

С верхнего этажа раздался последний удар, самый громкий и глубокий, словно стоявшие там часы объявили: «Достаточно».

Стэнли открыл уши и вздохнул. Затем, словно ничего необычного не произошло, он поднял чемодан и пошёл дальше по лестнице, жестом пригласив Хелену и её отца следовать за ним.

– Так, – произнёс отец, крепко стискивая в руках чемоданчик с инструментами. Щёки у часовщика пылали, глаза горели лихорадочным огнём.

Хелене был знаком этот взгляд – он часто блуждал на лице родителя, когда девочка возвращалась из школы домой в часовую мастерскую, где отец работал вместе с двумя товарищами. «Посмотри, Хелена, какая филигранная работа, – говорил он, склоняясь над золотым

брегетом или над изысканными дорожными часами. – Взгляни на этот фарфоровый циферблат, изящные стрелки, тонкие пружины. И ведь кто-то же изобрёл такой чудесный механизм!» Хелена обычно улыбалась и ждала, когда отец закончит свою восторженную речь, стараясь припомнить, когда он в последний раз с таким же восхищением говорил о ней.

На этаже под самой крышей вправо и влево от маленькой лестничной площадки тянулись коридоры. Здесь было темнее, окна меньше, стены выкрашены, а не оклеены обоями, деревянный плинтус обшарпан.

– Комнаты мистера Уэскотта слева по коридору, – сообщил Стэнли. – Ваши будут справа.

– Мистер Уэскотт спит в людской? – удивился отец.

Стэнли пожал плечами:

– Все остальные комнаты занимают часы.

– Неужели абсолютно все?! – в изумлении распахнула глаза Хелена.

– Все до единой, – с тяжёлым вздохом подтвердил Стэнли.

Окно на площадке было открыто, и порыв свежего воздуха пробрался Хелене под воротник. Звук, похожий на шелест трепещущей на ветру бумаги, пощекотал ей уши. Стэнли и отец, кажется, не расслышали его – увлеченно беседуя о распорядке дня и ведении хозяйства, они уже шагали по правому коридору. Хелена бросила взгляд в том направлении, откуда исходил шорох. У входа в противоположный коридор развевался прикрепленный к стене чуть выше человеческого роста листок.

Какой-то рисунок. Хелена поставила клетку с Орбитом на пол, шмыгнула в ту сторону и, встав на цыпочки, взглянула на рисунок. Линии, углы, крылья. Это был подробный карандашный набросок летательного аппарата. Девочка провела пальцем по краям крыльев, вспомнив фотографию аэроплана братьев Райт ¹, которую видела в «Лондонском вестнике». Рисунок изображал почти такую же машину.

Тут из-за спины Хелены протянулась тонкая рука и сорвала листок со стены. Кнопка упала на пол. Стэнли, прищурившись, посмотрел на рисунок, потом аккуратно сложил его вдвое и сунул в карман пиджака.

– Извините, – слегка покраснев, сказала Хелена. – Я увидела его на стене и заинтересовалась...

– Любопытство не порок, – мягко произнёс Стэнли.

Хелена растерянно похлопала глазами. Что он имеет в виду?

Стэнли вытащил заляпанный чернильными пятнами платок и вытер лоб.

– Я и правда очень рад, что вы с отцом решили поселиться здесь. – Он повернулся и пошёл прочь, но остановился и оглянулся: – Если увидишь ещё какие-то прикрепленные к стене рисунки, пожалуйста, сообщи мне.

Хелена вспомнила запрет Кэтрин обсуждать происходящее в доме. Должна ли она выполнить просьбу Стэнли? Голова у девочки чуть закружилась. Новый дом. Сонмище часов с боем. Рисунки на стенах. Она вдруг почувствовала невесомость, словно поднималась в летающем аппарате, отправляясь в путешествие к неизведанному, и это ей ничуть не понравилось.

¹ Уилбур (1867–1912) и Орвил (1871–1948) Райт – американские предприниматели, которые сконструировали и построили первый в мире самолёт и совершили первый в мире полёт на аппарате с двигателем. (Здесь и далее прим. перев.)

Глава 4 Вопросы

Пока они с отцом осматривали новое жилище, в голове Хелены носились мысли.

– Почему ты согласился на условия мистера Уэсткотта? – взволнованно приступила она с расспросами, как только они остались одни. Её комната была обставлена более чем скромно: кровать с розовым покрывалом и комод. Из единственного окна, выходящего на Трамлингтон-стрит, открывался прекрасный вид на университетский городок – группу зданий из жёлто-оранжевого и красного кирпича, производящую впечатление спокойной важности.

Отец раскрыл кожаный чемодан и стал передавать Хелене летние платья, юбки, блузы и две поношенные вязаные кофты с заплатами на локтях. Все вещи помялись.

– Просто я не понимаю, – настаивала Хелена, небрежно бросая одежду на кровать. – Зачем ты пообещал этому отвратительному человеку всё наше имущество? И что за беда, если часы вдруг остановятся?

Отец поднял голову.

– Мы не вправе осуждать чужие решения, – решительно сказал он.

– Но ведь мы можем всё потерять! – дрожащим от гнева голосом воскликнула Хелена. – Ты видел, как мистер Уэсткотт смотрел на Орбита? Слово лев, готовый наброситься на зебру! Если часы остановятся, он заберёт его у нас.

Отец сел на пятки и отрывисто засмеялся:

– Дорогая моя, не нужно волноваться. Орбит в безопасности, и вся наша собственность тоже. Мистер Уэсткотт один из самых богатых людей в графстве, а то и во всей стране. Он может купить сотню попугаев, если пожелает. Для нас эта работа – удачная возможность оставить прошлое позади и двинуться дальше.

Девочка опустила глаза. Споры нет, им нужно изменить свою жизнь. Однако побег от прошлого означает его скорое забвение.

– Этот договор весьма необычен, но я уверен, что он не имеет законной силы, и любой юрист это подтвердит. Тем не менее нам не стоит тратить лишние деньги на консультацию: я буду следить за часами, и они не останутся. Беспokoиться не о чем. – Отец вынул из чемодана последние вещи и захлопнул его.

Хелена села на край кровати и подковырнула с покрывала вытянутую нитку.

– У Джека и Джилл садовник служил, жил не тужил, – произнёс Орбит и стал клевать прутья клетки.

Отец присел на кровать рядом с Хеленой:

– Согласен, мистер Уэсткотт производит впечатление чудака, и некоторые его затеи немного экстравагантны. Но, честное слово, поводов для волнения нет. Мы будем поддерживать часы в рабочем состоянии, накопим кругленькую сумму и начнём новую жизнь. – Отец улыбнулся. – Мой хороший друг мистер Смит, владелец часового завода в Кларкенуэлле, обещал мне помощь в поисках подходящего помещения в Лондоне. Только представь: однажды у нас будет своя часовая мастерская!

– Но зачем мистер Уэсткотт вообще собирает часы? И разве не странно, что сам он при этом живёт на одном этаже с прислугой?

Отец вздохнул:

– Ну хватит, Хелена. Прошу тебя, больше никаких вопросов. Мы должны проявлять вежливость и не совать нос в чужие дела. Это очень важно. Завтра утром мне потребуется твоя помощь. В коллекции мистера Уэсткотта больше часов, чем я думал, и, боюсь, одному мне не справиться. Напольные часы нужно заводить раз в восемь дней. Хронометры поменьше придётся осматривать каждый день. Необходимо составить подробный список действий и расписание. – И разговор погас, как залитый водой костёр.

Отец задвинул чемодан под кровать Хелены и направился в свою спальню, чтобы взять записную книжку и чемоданчик с инструментами.

– Перед ужином мне надо хотя бы бегло осмотреть коллекцию и определить объём работы. – Он вышел, даже не попрощавшись.

– Хиккори-диккори! – крикнул Орбит, наклоняясь с жёрдочки за насыпанными в медную миску семечками.

Хелена просунула через прутья палец и погладила сине-зелёные перья хвоста.

– Мама, мама, мама! – заверещал попугай. То же самое произнесла про себя Хелена.

Закусив нижнюю губу, дочь часовщика взглянула на дверь. Шаги отца удалялись по коридору в сторону лестницы.

– Мама любит Хелену. Мама любит Хелену, – прошептала девочка птице.

Орбит посмотрел на неё несколько мгновений и нахохлил перья на шее.

– Мама любит Хелену. Мама любит Хелену, – тихо повторила его хозяйка.

– Мама-любит-Хелену-мама-любит-Хелену, диги-дон-диги-дон-диги-дон, – проговорил Орбит, раскачиваясь из стороны в сторону в такт словам.

У Хелены болезненно сжалось сердце и глаза наполнились слезами. Какая глупость! Упрашивать попугая повторять фразы, которым мама терпеливо учила его часами, было всё равно что ковырять открытую рану. Но девочка не хотела, чтобы Орбит забывал эти слова. Его щебет живо воскрешал в памяти картины прошлого: как амазон гордо стоит на подлокотнике мягкого кресла в гостиной, а мама, улыбаясь, умасливает его произнести какое-нибудь предложение или считалочку. «Иногда мне кажется, что этот замечательный попугай – часть меня самой», – часто говорила мама, кормя Орбита кусочками яблока.

Хелена села на пятки и потёрла усталые глаза. Так же как и отец, она изо всех сил пыталась преодолеть горечь утраты, но опасалась, что Орбит забудет всё, чему его научила мама. А это равносильно тому, чтобы снова потерять маму, то есть совершенно невыносимо.

Ровно в половине седьмого вечера Хелена набросила на клетку с Орбитом зелёно-коричневое лоскутное покрывало (мама намеренно выбрала эти цвета, «чтобы напомнить ему о верхушках деревьев») и стала спускаться по лестнице. От поднимающегося из кухни запаха в животе у девочки заурчало. Она остановилась и втянула в себя воздух. Какое-то лёгкое и свежее блюдо. Ладно, по крайней мере повариха у мистера Уэскотта достойная.

Хелена остановилась на втором этаже и заглянула в полуоткрытые двери. Стэнли не преувеличивал, когда говорил, что коллекция занимает все без исключения комнаты в доме. Распахнув от удивления глаза, девочка смотрела на лишённые мебели помещения, заполненные самыми различными часами, стучавшими и тикавшими на все лады. Часы-фонари (их название говорит само за себя), дорожные (небольшие, похожие на ящички, с ручкой для переноски), скелетоны (через стеклянный купол виден весь механизм), настольные (с короткими маятниками) – и над всем этим изобилием возвышались похожие на башни многочисленные часовые шкафы, с длинными маятниками и с резьбой вокруг циферблатов (судя по их количеству – самый любимый хозяином тип приборов для измерения времени).

Хелена вошла в комнату с восемью напольными часами. Между ними кое-где проглядывали сиреневые обои с рисунком в виде глициний. Девочка предположила, что когда-то комната была спальней, и, похоже, довольно нарядной. Хелена постояла около каждого часа в отполированных до блеска тёмных деревянных корпусах. Было очевидно, что о часах хорошо заботились. Маятники отстукивали разный ритм, нестройное «тик-так» сливалось в оглушительный гвалт.

Самые большие часы в комнате имели простой медный циферблат, но в полукружье над ним располагался ещё один диск, который крутился и показывал фазы луны – её символизировали два нарисованных гротескных ребяческих личика с близко посаженными пороссячьими глазками, румяными щёчками и пухлыми губками бантиком. Такая же рожица изображалась на маятнике, который ходил туда-сюда за выпуклым стеклом, периодически скрываясь из виду, словно играл в «ку-ку». Он гипнотически притягивал взгляд – и одновременно пугал. Хелену передёрнуло. Зачем мистер Уэскотт до отказа набил спальню механическими штуками? Девочка не понаслышке знала, что такое одержимость. Её отец всегда страстно любил свою работу, а после смерти матери распалился ещё больше. Хелена не сердилась, а скорее недоумевала: отец заботился о деревянных и металлических предметах больше, чем о родной семье. Может, именно поэтому он отнёсся с пониманием к требованиям мистера Уэскотта?

– А, вот ты где, – произнёс вдруг у неё за спиной отец, гулко шагая по голому деревянному полу. – Невероятно! Только посмотри на этот экземпляр, Хелена, – указал он на ближайший к двери часовой шкаф. – Это очень редкие часы из Германии, они стоят целое состояние. А вот эти, рядом, взгляни: по бокам в деревянном корпусе сделаны стеклянные вставки, чтобы показать механизм. Можно видеть все колёсики и шестерёнки, наблюдать, как двигается груз маятника!

Хелена потрясла головой и вздохнула – подобные подробности всегда навевали на неё скуку. Она взглянула на стул у двери. Вероятно, мистер Уэскотт сидел на нём, наслаждаясь своей коллекцией.

Хелена подошла к одному из двух больших окон и увидела выходящих из двухколёсных экипажей молодых женщин в красивых белых платьях и с элегантными причёсками.

– Смотри, папа, – сказала она.

Отец приблизился к окну.

– Ага, – произнёс он с улыбкой, наблюдая, как женщины, смеясь, поправляют шали. – Отец моего знакомого часовщика учился в Кембриджском университете и рассказывал много забавных историй о том, что они вытворяли в Майскую неделю.

Хелена наморщила нос:

– Но ведь сейчас июнь.

– Майская неделя – это празднества в честь окончания учебного года. В университетских колледжах – вроде того, что находится на другой стороне улицы: кажется, это Питерхаус, – устраивают балы и экстравагантные вечеринки, которые длятся до рассвета, – объяснил отец. – Действительно странно, что эти мероприятия проводятся в июне. Даже не знаю, почему неделя так называется.

– Добрый вечер, Хелена, мистер Грэм, – перебил его чей-то голос. В дверях стоял Стэнли. – Ужин готов.

Хелена улыбнулась:

– Спасибо. – Она взглянула на отца, который отвлёкся на часы с блестящим золотым наваршием.

– А где же попугай? – спросил Стэнли.

– В моей комнате, – ответила Хелена.

– Ему, наверно, одиноко. Приносите его в кухню, и пусть поужинает с нами, – предложил Стэнли.

Хелена просияла:

– Правда можно?! Мистер Уэсткотт запретил выпускать Орбита из клетки.

– На кухне он нам не помешает, – с улыбкой сказал Стэнли.

Хелена очень обрадовалась. Она стрелой взлетела вверх, распахнула дверь своей комнаты – и застыла на месте, хлопая глазами. Накрывавшее клетку покрывало было снято и лежало, аккуратно сложенное, на подушке. Девочка настороженно оглядела комнату. Больше ничего не изменилось. На комодике тикали её маленькие карманные часики. Одежда, которую она покидала на кровать, так и валялась там неопрятной кучей.

Из клетки доносился какой-то стук. У Хелены сильно забило сердце, и она присела рядом. Орбит с довольным видом клевал что-то привязанное к прутьям. Откуда взялась эта вещица?

Глава 5 Зеркало

Хелена похолодела, и по коже у неё пробежали мурашки. Она схватилась за прутья клетки и уставилась на овальное зеркальце, прикреплённое к ним шёлковой нежно-жёлтой лентой, на вид очень дорогой. Девочка потянула за неё – и зеркало в золотой оправе уместилось у неё на ладони. Хелена поднесла его к лицу и увидела озадаченность в своих светло-карих глазах. Кто принёс его сюда? Снова прикрепив загадочный предмет к прутьям, она вскочила на ноги, подбежала к двери и выглянула в коридор.

Электрические лампы на стенах моргали и шипели, отбрасывая на пол колеблющиеся тени. Дома они всё ещё пользовались газовыми лампами, которые коптили и пачкали мебель и стены, и поэтому мама люто их ненавидела. Возможно, электролампы были не таким уж передовым изобретением, как считали многие. Хелена слышала, как в одной семье такой светильник заискрился. Когда хозяева набросили на него подушку, ткань загорелась и в комнате начался пожар.

– Кто здесь? – крикнула Хелена, с опаской поглядывая на шипящие источники света и старательно обходя их.

В конце коридора, около лестницы, скрипнули половицы. Хелена испугалась, и ноги её словно приросли к полу. Ниже этажом стали бить часы: семь вечера. Время летело незаметно.

– Привет, мама! Привет, мама! Привет, мама! – затараторил Орбит, и Хелена оторопела: так попугай всегда здоровался с мамой, когда та входила в комнату.

Динь-динь-динь.

Бом-бом-бом.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Хелена была уверена, что за ней наблюдают.

– Эй! – окликнула она снова, но голос её потонул в бое часов. Тени в конце коридора зашевелились и обрели очертания человеческой фигуры. У Хелены бешено заколотилось сердце, и она вонзила ногти в потные ладони. Снизу раздалось последнее «бом», потом снова послышался скип половиц, и настенные светильники моргнули.

– Хелена, что ты тут застряла? Стэнли ждёт. – На площадке лестницы, недовольно накупившись и уперев руки в бока, стоял отец.

Хелена медленно, с облегчением выдохнула. Наверное, из-за обилия часов и теней в этом доме у неё разыгралось воображение и она насочиняла бог знает что. Девочка оглянулась на свою комнату. Но ведь загадочное зеркало на клетке Орбита вовсе не фантазия. Хелена стала раздумывать, нужно ли рассказать о своей находке отцу, но он уже исчез – с лестницы слышались его торопливо удаляющиеся шаги.

Кухня помещалась в цокольном этаже, и по мере приближения к ней аппетитный аромат становился всё сильнее.

– Прощу вас, – Стэнли жестом пригласил новых жильцов за стол.

Хелена удивлённо заморгала: юноша был в фартуке и с закатанными рукавами рубашки.

– Спасибо... – поблагодарил отец, с беспокойством взглянув на дочь.

Хелена осмотрела кухню в поисках поварахи: конечно же, у мистера Уэскотта должна быть целая армия прислуги, содержащая в порядке такой огромный дом с электрическим освещением, телефоном и мириадами часов. Наверное, повараха куда-то вышла: на плите что-то томилось в медном котелке, из-под крышки вырывались струйки пара. Ни Хелена, ни её отец не умели хорошо готовить. Поскольку у них не было денег, чтобы нанять домработницу, они платили соседке, миссис Патридж, чтобы та каждый день кормила их полноценным горячим ужином. Но мясное рагу у неё часто получалось хрящеватым (собственно, мяса в нём было очень мало), а рисовый пудинг – очень плотным и с комочками, и его приходилось запивать большим количеством молока. Хелене в каком-то смысле очень повезло, что отец не взвалил на неё домашнее хозяйство – как случилось с её подругой Джейн, когда та лишилась матери. Иногда она видела Джейн с младшими братьями у ворот школы, с корзиной для продуктов в руке и смиренным выражением лица – вся её жизнь перевернулась, и девочке пришлось взять на себя ответственность, к которой она явно оказалась не готова.

Большой стол, за которым легко могли рассесться десять человек, был накрыт на четверых. Хелена нахмурилась: а где же места для горничных, экономки и поварахи?

– Можешь поставить клетку на тот стул, если хочешь. Орбит ведь любит фрукты? – сказал Стэнли и указал на тарелку с разложенными на ней веером кусочками яблок. Юноша оказался очень чутким человеком. – Я сварил суп из спаржи. – Стэнли замялся. – И пожарил угрей. Честно говоря, я впервые готовлю это блюдо, но миссис Битон говорит...

– А... миссис Битон... – Отец оглядел кухню. – Это повараха?

Стэнли заулыбался и замотал головой, потом взял со стола раскрытую книгу и помахал ею в воздухе. Другая книга, лежавшая под первой, со стуком упала на кафельный пол.

– Вы не слышали о книге по домоводству миссис Битон? Мне рассказала о ней мама. С тех пор как повараха мистера Уэскотта ушла на другое место работы, это издание мне очень помогает. Вообще-то я люблю готовить. По-моему, рецепты немного похожи на арифметические задачи – если найти правильную пропорцию, они успешно решаются.

– Понимаю, – тихо проговорил отец. – Наверняка у моей жены тоже была такая книга.

Хелена подняла том, упавший на пол. «Основания математики». Девочка пожала плечами и положила книгу на стол. Что этот учебник делает на кухне? Тут Хелена заметила блюдо обваленных в муке тонких чёрных угрей и отвлеклась от своих размышлений. Она никогда ещё не ела такую рыбу. На рынке мама обычно не обращала на них внимания и отдавала предпочтение солёному филе трески. Хелена испытала разочарование, но убедила себя, что попробовать новое блюдо любопытно.

– Мне, наверное, надо вам объяснить своё положение в доме, – проговорил Стэнли. – Так получилось, что я выполняю обязанности дворецкого, повара, садовника, а нередко и экономки. И всё это в дополнение к моей роли домашнего учителя. – Юноша вдруг замолчал, словно сболтнул лишнее.

– Странно, – произнесла Хелена. – Папа говорил, что мистер Уэскотт очень богат. Почему же он не может нанять прислугу?

– Хелена, – прищурившись, шепнул отец.

– Не беспокойтесь, я отвечу, – сказал Стэнли, снова жестом приглашая отца и дочь сесть за стол. Открыв буфет, он достал оттуда деревянный поднос, накрыл его накрахмаленной белой льняной салфеткой и поставил на неё единственную миску с золотым ободком, а рядом с ней – стакан молока. – Тут такое дело... – Он задумчиво пожевал нижнюю губу, словно размышлял, что стоит рассказывать, а что нет. – Видите ли, вся прислуга уволилась. Мисс Кэтрин Уэскотт наняла меня несколько месяцев назад, и теперь я остался один и пытаюсь по возможности ухаживать за домом. Потому что если не я, то кто же ещё?

У Хелены возникло множество очевидных вопросов. Что случилось в доме в последнее время? Почему уволились слуги? Детей у мистера Уэскотта нет – так зачем ему понадобился учитель?

Но девочка не успела ничего спросить: отец поднял руку, останавливая её, и Хелена уже по его глазам увидела, что он сердится. Она плотно закрыла рот и откинулась на спинку стула, потом взяла кусочек яблока и просунула его Орбиту через прутья клетки. Её очень раздражало, что отец не позволяет задавать вопросы в этом доме.

Стэнли суетился, то и дело заглядывая в поваренную книгу, обваливал угрей в яйцо и хлебных крошках и жарил их на плите. Масло на сковороде шипело и брызгало, а юноша тем временем поднял крышку с котелка и, разлив суп по двум мискам, поставил их перед Хеленой и её отцом. Девочка заглянула в миску: зелёное варево напоминало затянутый ряской пруд.

Стэнли нахмурился:

– Надеюсь, суп получился вкусным. Миссис Битон советует добавлять шпинатный сок для цвета, и я, возможно, немного с ним переборщил.

– Удивительно вкусно, – уверенно проговорил отец, попробовав необычное блюдо. – Правда, Хелена?

Девочка отправила в рот ложку супа; вкус шпината заглушал вкус спаржи.

– Да, чудесно, – пробормотала она.

Стэнли тщательно приготовил поднос с едой для мистера Уэскотта и положил на мелкую тарелку гроздь розового винограда для украшения.

– Вам может показаться странным, что мужчина готовит еду. Мой отец не одобрил мой выбор работы. Но, как говорится, голод не тётка, – сказал он.

Хелена подумала: неужели Стэнли нравится ухаживать за чудаковатым мистером Уэскоттом и жить в этом сумасшедшем доме, набитом часами? Даже если это и так, то всё равно довольно странно, что владелец такого огромного хозяйства не имеет ни повара, ни прислуги.

– Мне нужно отнести поднос наверх, – Стэнли немного помрачнел, словно разговор о произошедших в доме переменах напомнил ему о неприятных событиях.

Вдруг в коридоре раздалось какое-то шарканье, как будто кто-то подметал осколки разбитого стакана. Глаза у Стэнли блеснули.

Хелена, внимательно наблюдавшая за юношей, заметила, как он на мгновение остановился и почти незаметно тряхнул головой. Кто это там? Девочка взглянула на отца, но тот тщательно вычищал миску ложкой.

Слегка покачивая поднос в руках, Стэнли поспешил выйти из кухни.

Хелена поднесла к губам ещё одну ложку супа. Он был немного пересоленным, но вкусным (по сравнению с говяжьим бульоном, который зимой давали в школе на обед, все другие блюда казались кулинарными шедеврами). Девочка откинулась на спинку стула и вытерла рот салфеткой.

Отец, улыбаясь, поднял голову:

– Если не считать необычного цвета, суп довольно хорош.

Из коридора донёсся быстрый шёпот.

Хелена положила салфетку рядом с миской.

– Вообще-то я не хочу есть. Можно я пойду? – спросила она, стараясь заглянуть за открытую дверь.

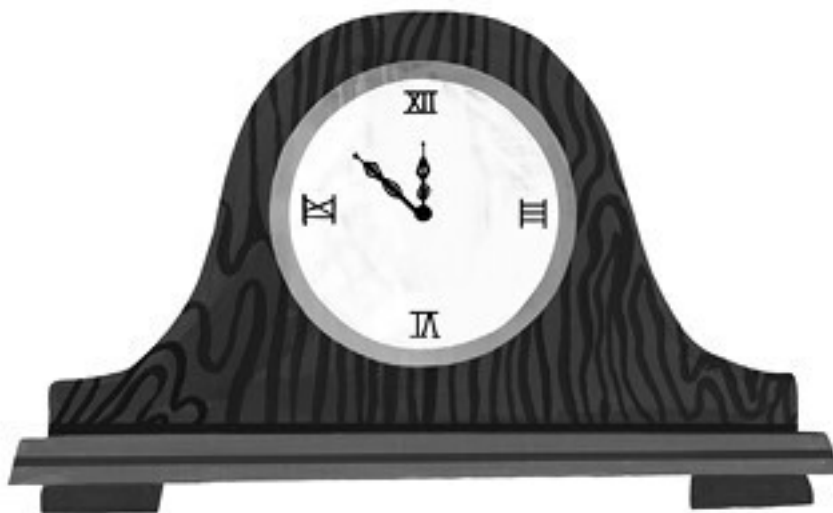
– Конечно, – кивнул отец. – Ты немного бледная – наверное, устала с дороги. Ложись спать. Я накормлю Орбита яблоком и принесу его в твою комнату.

Хелена быстро улыбнулась ему, отодвинула стул и кинулась прочь из кухни. Она слышала шаги Стэнли, но рядом с ним совершенно точно легко ступал кто-то ещё. Девочка хотела уже последовать за ними, но тут обратила внимание, что к стене между вешалкой для пальто и буфетом прикреплён обрывок бумаги размером с её ладонь – ещё один карандашный рисунок летательного аппарата, и более точный: очертания крыльев и корпуса были проведены по линейке, а руль имел совершенные пропорции. Сняв листок со стены, Хелена провела большим пальцем по дырочке от кнопки, потом сложила рисунок вдвое и убрала в карман, прислушиваясь к шагам двух человек, поднимавшихся по ступеням.

Глава 6

Комната с часами

Отец громко постучал в дверь комнаты Хелены.

– Встречаемся через двадцать минут на первом этаже. Нужно начать проверку часов до завтрака! – с энтузиазмом крикнул он.

Хелена зевнула и села в кровати.

Отец постучал снова.

– Ты слышишь меня, Хелена?

– Да, папа, – ответила девочка, потирая глаза.

Ночь была беспокойной: в доме то и дело звонили часы, а с улицы доносились смех и крики подгулявших студентов. До приезда сюда Хелена представляла Кембридж тихим и неприметным городком и теперь начала осознавать, что, похоже, ошиблась. В семь часы внизу забили и зазвонили на разные голоса. Хелена достала из-под подушки и развернула листок, который вчера сняла со стены в цокольном этаже, провела большим пальцем по очертаниям крыла и руля летательного аппарата. Кто автор рисунка? Тот же человек, который привязал зеркало к клетке Орбита? Стэнли просил её сообщать о других найденных чертежах, но девочка не спешила ставить его в известность – отчасти из-за указаний Кэтрин, но больше всего из желания выяснить, кто их рисовал и зачем крепил на стены.

Хелена бросила взгляд на клетку Орбита, накрытую лоскутным покрывалом, вылезла из кровати и осторожно стянула его, ожидая увидеть ещё одну жёлтую ленту – очередной подарок. Орбит сонно взглянул на хозяйку, но никаких новых предметов не было. Комната не запиралась. Может, это и глупо, но Хелена не сказала отцу, что в её отсутствие здесь кто-то был – ему бы не понравилось, что кто-то без спросу трогает их вещи. А вдруг неизвестный проник-

нет в его комнату и ломает папины ценные инструменты? Девочка быстро натянула голубое хлопковое платье, чулки и ботинки. Она не собирается следовать дурацким правилам Кэтрин, когда отцовские средства к существованию в опасности.

Хелена вспомнила, как мистер Уэскотт посмотрел на Орбита, когда они прибыли: со странным сочетанием неприязни и чего-то ещё. Может, это он оставил зеркало и нарисовал летательный аппарат? Правда, хозяина было не видно и не слышно с тех самых пор, как вчера днём они с отцом вышли из его кабинета. При этом в его глазах было нечто похожее на медленно рассеивающийся зимний утренний туман. С тошнотворным чувством Хелена вспомнила договор, который накануне подписал её отец. Он сказал ей не беспокоиться, но как она могла забыть, что на кону стоит всё их имущество?

Взбудораженная своими мыслями, Хелена сбегала по лестнице на первый этаж. Золотые часы, похожие на свадебный торт, быстро тикали в коридоре в такт с её сердцем, отчего девочка разволновалась ещё больше. Хелена рассмотрела их: на каждом ярусе красовалась маленькая золотая вазочка с мерцающими цветами из драгоценных камней. Причудливая, изысканная и явно очень дорогая вещица.

Тут Хелена услышала скрип половиц и приглушённое бормотание из комнаты, расположенной напротив кабинета мистера Уэскотта. Отец? Приблизившись к двери кабинета, девочка замедлила шаг. Мистер Уэскотт с кем-то тихо разговаривал, постепенно распалаясь гневом.

– Делаю вам последнее предупреждение, Марчингтон... нет... я не потерплю возражений. Если вы не будете точно следовать моим инструкциям, я вас уволю, – услышала Хелена. Это был напыщенный монолог, скорее всего беседа по телефону. Хелена отшатнулась от двери, и под её ногами заскрипели половицы. Злить мистера Уэскотта явно не стоило.

– Хелена, это ты? – окликнул её отец из комнаты напротив.

– Да, папа... Я хочу кое о чём с тобой поговорить, – ответила Хелена и вбежала в комнату, тут же забыв о мистере Уэскотте.

На пороге она в изумлении остановилась: на стуле у двери сидел мальчик в синих брюках, чёрных ботинках с золотистыми крючками для шнурков и белой рубашке с воланами на манжетах. Светловолосая голова была повернута к отцу.

Часовщик стоял на табурете и осматривал напольные часы в виде пагоды.

– Это часы красного дерева работы Мура из Ипсвича, – сказал он. – Поразительно! – Отец почтительно положил руки на корпус часов.

Хелена удивлённо уставилась на отца: разве он не видит мальчика?

Незнакомец чуть развернул стул, чтобы искоса взглянуть на Хелену. Его голубые глаза были прищурены, а губы плотно сжаты.

– Видишь четыре диска на каждом углу циферблата, Хелена?

Девочка повернулась к отцу.

– Часы показывают день и месяц, позволяют устанавливать или отменять бой, а на четвёртом диске можно выбрать семь мелодий. Какой чудесный экземпляр, – произнёс отец с гордостью, словно сам смастерил эти часы.

– Надеюсь, вам всё нравится? – произнёс у двери голос мистера Уэскотта. Хелена обернулась. Стул, на котором сидел мальчик, был пуст. Неизвестный исчез беззвучно, как призрак. Хелена вспомнила, как накануне вечером у неё возникло чувство, будто с площадки лестницы за ней кто-то наблюдает, и её охватила оторопь.

Мистер Уэскотт бросил взгляд на пустой стул и глубоко вздохнул. Вздох прозвучал так, словно бабочка попала в сеть и пыталась вырваться.

– Всё отлично, сэр, – ответил отец, слезая с табуретки и вытирая руки о короткий фартук. – У вас изумительная коллекция. Давно вы собираете часы?

Мистер Уэскотт медленно вошёл в комнату.

– Не очень, – произнёс он ломким голосом.

Не считая тиканья часов, в комнате царила полная тишина.

– Что ж, вы сделали удачное вложение денег. Думаю, цена этих часов с годами будет только расти, – сказал отец.

– Меня не интересует цена, – заявил мистер Уэскотт, и морщины по обеим сторонам его рта углубились. – Мне только нужно, чтобы они тикали без остановки.

Хелена заметила, как у отца подпрыгнул и опустился кадык.

– Разумеется, сэр. Для того я и здесь. – Отец широко улыбнулся мистеру Уэскотту, но тот не ответил тем же.

– Моя сестра Кэтрин любит присутствовать при осмотре часов, – тихо произнёс хозяин дома, подходя к часам, которые отец только что изучал. – Каждый день, – добавил он. Левый глаз у него дёрнулся, и мистер Уэскотт потёр его. – Оставляю вас наедине с вашей работой. По понедельникам у меня совещание совета директоров в моей типографии.

– Конечно-конечно, – кивнул отец.

Мистер Уэскотт развернулся и покинул комнату, ещё раз бросив взгляд на стул у двери.

– А что это был за мальчик? – спросила Хелена, передавая отцу крышку часов.

Он установил деталь на место с такой же нежностью, с какой мать кладёт ребёнка в колыбель.

– Какой мальчик? – не понял отец.

– Тот, что сидел на стуле вон там.

Отец обернулся, проследил взглядом, куда указывала дочь, и сунул руки в карманы куртки.

– Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

Хелена больно закусилась нижней губой. Как отец мог не заметить его?! Неужели от пребывания в этом гнетущем и странном доме у неё начались галлюцинации?

– Ты ведь понимаешь, как важна для нас эта работа, правда, Хелена? – мягко поинтересовался отец.

Хелена слабо кивнула.

Отец взял записную книжку и помахал ею.

– Я полночи не спал и составлял список часов и расписание, когда их нужно заводить. Времени на безделье не будет – и это кроме усилий по сохранению часов. Мне понадобится твоя помощь.

– Но... я хочу кое о чём с тобой поговорить...

– Не сейчас, Хелена. У меня много дел. Не могла бы ты осмотреть шкафы с карманными часами наверху, описать их типы и размеры и разобрать ключи для завода? – Отец отвернулся и начал снимать крышку со следующих часов.

Хелена поджала губы, опустила голову и, подойдя к стулу, на котором сидел мальчик, положила на него руку. Сиденье было ещё тёплым. А это значило, что парнишка был вовсе не призраком, а живым существом, обитающим в этом доме с часами.

Глава 7 Девочка

До конца дня Хелена ходила за отцом из комнаты в комнату, носила с собой клетку с Орбитом и записывала французские глаголы на грифельной доске, которую ей выдали в школе, чтобы девочка не отстала по программе. Она помогала отцу, когда он просил («Передай мне щипцы, Хелена. Нет-нет, не эти, а с рукоятками из орехового дерева». «Мне нужны свиные кишки, чтобы подвесить груз маятника – взвесь его, пожалуйста»). У девочки гудела голова от его указаний, каждую минуту напоминавших о подписанном отцом договоре. От диких приступов гнева у неё крутило живот, и сердце ныло при мысли о том, что с ними будет, если они вдруг не успеют за какими-то часами. Но отец казался совершенно беспечным и был всецело погружён в работу, словно навсегда покинул прежнюю жизнь и обосновался в другом мире.

Загадочный мальчик, подобно волшебнику, исподтишка появлялся на стуле у двери каждой комнаты, в которую они входили. Хелена пыталась поймать его взгляд, но он всегда смотрел в другую сторону.

Когда дочь с отцом перешли в комнату на втором этаже, оклеенную обоями с глициниями, мальчик лёгкими, как дым, шагами последовал за ними. Хелена хорошо помнила условие Кэтрин не обсуждать происходящее в доме, но её так и подмывало разузнать об этом парнишке побольше. Она знала, что и отец видел незнакомца, поскольку в течение дня часовщик несколько раз взглядывал на него, но, явно памятуя инструкции Кэтрин, не предпринимал попыток заговорить с ним. Когда отец присел возле одного часового шкафа, чтобы осмотреть изогнутую ножку, Хелена опустилась на пол рядом с ним и шёпотом спросила, кто, по его мнению, этот мальчик. Может быть, сын мистера Уэскотта?

– Пожалуйста, не задавай таких вопросов, – прошептал отец в ответ с таким гневом, что у девочки свело челюсти. Но как она могла молчать? Когда тебе смотрят в спину, ты имеешь полное право знать, кто этот человек и почему он на тебя уставился.

Хелена попыталась подступиться с этим вопросом к Стэнли после ланча из тостов с анчоусами и свежего лимонада, такого кислого, что у неё зашипало язык. Она поинтересовалась, почему мистер Уэскотт не упомянул, что в доме живёт мальчик, и не ему ли в учителя наняли Стэнли.

– Мисс Уэскотт просила меня не распространяться о том, что происходит в доме, – угрюмо ответил юноша. Он хотел ещё что-то сказать, но вовремя спохватился и только тряхнул гривой тёмных волос.

Хелена откинулась на спинку стула. Значит, Стэнли тоже не велено разговаривать на эти темы. Любопытство девочки росло как на дрожжах.

За несколько минут до шести вечера у входной двери забренчал звонок. Мальчик скрылся за полчаса до этого и, тяжело ступая по лестнице, поднялся на последний этаж. Хелена с отцом были ещё на втором, в комнате с напольными часами. Отец ревностно устанавливал там наверх, проверял медные диски, металлические ручки и грузы маятников. Они услышали, как внизу хлопнула дверь, по лестнице вниз кто-то побежал, раздался голоса.

– Дили-дон-тик-так-тик-так-бом! – прошебетал Орбит.

Запах солнца, свежести и аромат роз вплыли в комнату вместе с Кэтрин, её длинные юбки кремового цвета шуршали, как крылья голубки. Но мисс Уэскотт была не одна: она держала за руку девочку примерно одного возраста с Хеленой. Нежно-зелёное шифоновое платье загло в дочери часовщика зависть. Свободной рукой незнакомая девочка поправила пряжку в коротких светлых волосах, подчёркивавших маленький носик и голубые глаза.

Мистер Уэскотт, с синеватыми мешками под глазами, стоял с другой стороны от сестры; он быстро посмотрел на девочку и отвёл взгляд. В лице его читалось раскаяние, губы дрожали, словно с языка готовы были сорваться какие-то слова. В голове у Хелены, как электрические лампы мистера Уэскотта, заискрили мысли. Может, это его дочь? Если так, то странный мальчик, сидящий в комнатах с часами, – точно его сын.

– Ты продолжаешь заниматься? – шепнула Кэтрин девочке, проводя рукой по длинному белому страусиному перу на изящной широкополой фетровой шляпе.

Девочка серьёзно взглянула на мисс Уэскотт.

– Да, тётя Кэтрин, – прошептала она в ответ и перевела взгляд на мистера Уэскотта, который вздохнул, слегка распрямил плечи и подошёл к часам с лунными личиками. Правую руку он положил на дверцу часового шкафа и, сжав губы, наблюдал за колебаниями маятника. Ангелоподобная мордашка ритмично появлялась и исчезала, и, казалось, от этого зрелища плечи хозяина полностью расслабились.

– Филигранная работа Вальями Лондонского: ореховый корпус, восьмидневный завод, – пояснил отец, подходя к часам. – Вам очень повезло, что такой экземпляр есть в вашей коллекции. Вальями изготавливал часы для королевской семьи в восемнадцатом веке.

– Да, мне это известно, – холодно проговорил мистер Уэскотт. – Говорите, мне повезло. – Он произнёс это с утвердительной интонацией, как будто слова нужно было очистить, как апельсины, чтобы обнаружить под кожурой нечто совсем другое.

– Ах, какой чудесный попугай! – воскликнула Кэтрин, выпустив руку девочки. Шелестя юбками, она подошла к клетке, которую Хелена поставила на отцовскую скамеечку для ног.

Тут Орбит спрыгнул с жёрдочки на дно клетки и тревожно закричал, топорща перья на голове:

– Шляпа! Шляпа! Мышь попала кошке в лапы! Тревога!

Хелена застыла. С чего это он поднял такой шум?

Кэтрин с улыбкой на лице похлопала в ладоши.

– Эта птица – настоящее сокровище. Ты так не считаешь, Эдгар? – спросила она, перекивая попугая.

Девочка в шифоновом платье, широко распахнув глаза, кусала нижнюю губу.

– Унеси его из комнаты, Хелена, – велел дочери подскочивший отец. – Извините, мистер Уэсткотт. Обычно он ведёт себя смирно. Наверное, испугался новых людей... нового дома...

Мистер Уэсткотт с побагровевшими щеками наблюдал, как Орбит мечется в своей клетке и с криком бьёт крыльями по металлическим прутьям.

– Тише, тише, птичка. – Хелена подхватила клетку и быстро направилась к двери.

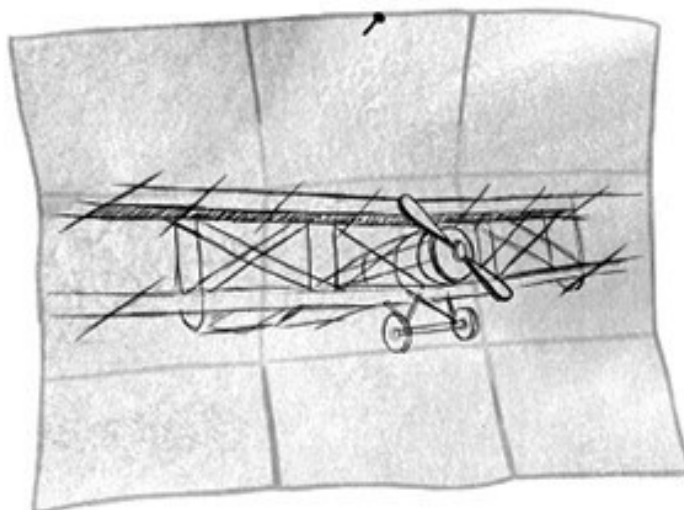
На лице новой девочки читалось сочувствие.

У Хелены от смущения пылали щёки. Отец бросил на неё недовольный взгляд и снова подошёл к часам, рядом с которыми стоял мистер Уэсткотт. Почему Орбит вдруг устроил такой скандал, когда она ожидала от него примерного поведения?

У дверей Хелена обернулась. Кэтрин, теребя верхнюю пуговицу блузки, смотрела ей вслед. Она быстро и приветливо улыбнулась дочери часовщика и отвела взгляд; перья на её шляпе покачивались и прыгали, словно ожили и собрались взлетать.

Глава 8 Послание

Ближе к ночи Хелена сняла со стены около комнаты с напольными часами ещё один рисунок летательного аппарата. Кто их оставляет? Теперь дочь часовщика была уверена, что девочка и мальчик – брат и сестра и дети мистера Уэскотта. Но кто из них прикрепляет к стенам рисунки – и зачем? Кэтрин сказала, что жена мистера Уэскотта покинула его восемь месяцев назад. Куда она уехала? Может быть, она умерла и мальчик с девочкой тоже лишились матери? У Хелены хотя бы остался Орбит, сохранивший мамин голос – вечное напоминание о потере.

На третьем этаже Хелена бросила быстрый взгляд на дверь своей комнаты, где сейчас спал попугай. Пора приступить к поискам ответов на вопросы. Она прошла через площадку к противоположному коридору, где, по словам Стэнли, были комнаты мистера Уэскотта, а значит, мальчик и девочка тоже должны спать там. По обеим сторонам коридора располагались по две двери, а одна находилась в самом конце. Все они были закрыты. Очень странно, что мистер Уэскотт, обладающий таким состоянием, жил здесь, на последнем этаже, предназначенном для прислуги. Что заставило его променять все свои вещи на часы? Хелена помедлила и склонила набок голову. Из-за двери в конце коридора доносились голоса. Девочка на цыпочках направилась туда, но внезапно остановилась и задумалась. Одно дело – случайно услышать разговор, и совсем другое – намеренно подслушивать. Но словно незримая сила тянула её на поиски правды. Может быть, если не прикладывать ухо к двери, а будто бы поправить носком ноги завернувшийся край ковровой дорожки, ей удастся потоптаться рядом и услышать что-нибудь полезное?

– Очень хорошо. Именно об этом я и говорю. (Стэнли.)

– Но поможет ли это дольше оставаться в воздухе? (Это была девочка!)

– Правильно, задавай вопросы! Только так ты сможешь получить нужные знания. Твоя тётя сказала мне то же самое. (Стэнли)

– Письмо-то мы отправили, но станут ли они его читать? (Девочка)

Раздалось покашливание и чьи-то шаги.

Хелена быстро опустила голову и пошла к лестничной площадке. Похоже, Стэнли занимается с девочкой. Но почему так поздно?

Надев ночную рубашку, Хелена развернула последний найденный рисунок. Девочка спросила, «поможет ли это дольше оставаться в воздухе». Может, именно она изображает летательные аппараты? Если так, то у неё несомненный талант. Хелена всегда хотела иметь к чему-то талант. Рисование ей не давалось, а занятия музыкой, которые поощряла мама, превращались в сплошное мучение. Как только пальцы Хелены касались клавиш, лицо её учительницы мисс Картрайт искажалось страданием.

Но для кого предназначены эти рисунки? Может быть, в линиях и углах зашифровано секретное послание? Может, Стэнли помогал чертить их? Хелена перевернула листок и провела пальцем по следам от карандаша, проступившим с другой стороны бумаги, но никаких таинственных шифров не обнаружила. За стеной раздался скрип пружин отцовской кровати – он был так увлечён своими мыслями, что даже не пожелал дочери спокойной ночи.

Вздыхнув, Хелена снова сложила листок, сунула его под подушку и уже собиралась лечь спать, как услышала снизу стук входной двери, располагавшейся под её окном, и звук шагов по мощённому тротуару. Было начало одиннадцатого, и обычно в это время она уже спала. Притушив переносную масляную лампу (электрическим светильникам на стене девочка не доверяла), она отодвинула занавески и взглядела в темноту. У дома стоял мистер Уэскотт в пальто и шляпе. Подъехал кеб; лошадь храпела и покачивала головой. Кучер спрыгнул на землю и подождал, пока мистер Уэскотт усядется в повозку. Потом кеб отъехал, и копыта лошади зацокали в темноте. Куда это отправился хозяин в такой поздний час?

– Предыдущий часовщик оставил ключи для завода карманных часов в полном беспорядке, – на следующий день доложила Хелена отцу. Она сидела на полу около клетки Орбита, раскладывая перед собой ключи по убыванию размеров. Некоторые были маленькие, с ноготь – такие крошечные, что могли бы провалиться в щель между половицами. Девочка на всякий случай накрыла доску куском зелёного сукна. Страшно представить, что какой-нибудь ключ потеряется и они не смогут завести механизм! Хотя Хелена находила работу с часами утомительной и очень сердилась на отца, она не отказывалась помогать ему – ведь в случае неудачи они могли потерять всё своё имущество.

– Когда разложишь ключи по порядку, заведи, пожалуйста, часы, – попросил отец. – Мы тут уже третий день, а некоторые механизмы не заводились с тех пор, как ушёл предыдущий часовщик. Сегодня это обязательно надо сделать. А я пойду в соседнюю комнату и заменю свиные кишки, на которых висят грузы маятников. – Отец проговорил это быстро и рассеянно. Он снова удалился в свой мир механических предметов, куда доступ дочери был закрыт. Прихватив ящик с инструментами, он вышел из комнаты.

Хелена вздохнула, поглядывая на мальчика, сидевшего у двери. Не пора ли спросить, почему он день за днём сидит в комнате с часами, не произнося ни слова?

Девочка встала, подошла к деревянному шкафу с карманными часами и выдвинула один ящик. Часы большего размера лежали в глубине ящика, те, что поменьше, – спереди. Некоторые экземпляры были серебряными, с тонкой гравировкой, другие – золотыми, с эмалевым покрытием, на котором были изображены сельские сцены или симпатичные луговые цветы. Хелена вынула громко тикающие золотые часы и осторожно сняла заднюю крышку. Потом выбрала ключик, который по виду мог бы подойти, вставила его в отверстие для завода и несколько раз повернула. Хватит ли этого, чтобы механизм продолжал работать? Думать о последствиях остановки часов не хотелось. Хелена поставила крышку на место, протёрла

поверхность часов и снова убрала их в ящик. Хотя девочка и не желала себе в этом признаться, в часах, в их тонком тиканье, в эмалевых циферблатах и гравированных задних крышках было что-то магнетическое. Какие истории могли бы рассказать эти предметы, умей они говорить? В чьих карманах они лежали? Куда спешили их владельцы, когда узнавали по ним время?

– Я тоже порой об этом думаю, – послышался тихий голосок.

Девочка! Хелена вспыхнула и обернулась. Видимо, она так увлеклась своим занятием, что не заметила, как стала говорить вслух. Правда... девочки в комнате не оказалось: здесь был только мальчик – сидел и смотрел на Хелену, кусая нижнюю губу. Хелена нахмурилась и сделала к нему шаг, другой. Он чем-то неуловимо отличался от мальчишек, с которыми она училась в школе. Хелена внимательнее рассмотрела его. Маленькие ножки, на коленях лежат руки с изящными пальцами. Да это же... это вовсе не мальчик, а девочка! Девочка с мальчишеской причёской и в мальчишеской одежде.

Хелена заморгала, подумав о девочке, которую видела накануне вечером. У них одинаковые глаза, и носы, и короткие волосы. Может быть, это... Так и есть! Это один и тот же человек. Щёки у Хелены вспыхнули. Вот так странность!

– Тебе нравятся часы? – спросила она и зарумянилась ещё сильнее. Прозвучало глупо. Ну почему из всех вопросов, носившихся в её голове, она выбрала именно этот?!

Взгляд у девочки омрачился, и она опустила глаза.

– Не особенно, – тем же бесцветным голосом произнесла она. – Вернее, больше нет.

– Зачем тогда ты проводишь всё время в комнате с часами? – наморщив лоб, поинтересовалась Хелена и стала кусать ноготь. Снова бессмыслица! В голове нетерпеливо носились тучи вопросов, которые ей хотелось задать. Например: почему днём девочка одевается как мальчик, хотя у неё есть красивые платья? Где её мать? Почему мистер Уэсткотт не упомянул, что у него есть дочь?

Девочка поджала губы и, не ответив, со вздохом встала и как ни в чём не бывало вышла из комнаты.

Хелена шумно выдохнула.

– Разговор не удался. – Она наклонилась погладить через прутья клетки хвост Орбита и обомлела: на груди у попугая, там, где он всё время грыз перья, образовалась крохотная лысинка. Раньше такого не случалось. С другой стороны, Орбит никогда ещё так долго не сидел в клетке. Мама говорила, что попугай грызёт перья от скуки или недовольства. Вон как он закричал вчера вечером во время осмотра часов. Бедный Орбит, его жизнь перевернулась с ног на голову так же, как и у его хозяйки. Дома ему разрешалось летать кругами над маминой головой, и он в восторге чирикал. «Нужно подстричь ему хвост, – сказал однажды отец. – А то, не ровён час, вылетит в окно – только его и видели». Мама нахмурилась и решительно замотала головой: «Представь, что тебе отказали в праве вести активную жизнь. Так чувствует себя птица, не умеющая летать». И на этом обсуждение закончилось: отец знал, что не стоит спорить с мамой по поводу её любимого попугая.

Хелена вздохнула и снова подошла к шкафу с карманными часами. Выбрала большие серебряные часы размером со свой кулак и открутила заднюю крышку. Где же здесь отверстие для ключа? Хелена провела пальцем по гладкой внутренней поверхности. Интересно. Как их завести? Девочка слегка постучала по корпусу и поднесла часы к уху – тикают, а значит, предыдущий часовщик их заводил. Хелена положила их в ящик циферблатом вниз и провела пальцем вокруг корпуса. Раздался тихий щелчок, и открылась вторая задняя крышка, под которой обнаружился небольшой тайник. Внутри лежал сложенный кусочек картона. Хелена нервно оглянулась на дверь. Странная девочка давно ушла. Шаги отца слышались с верхнего этажа. Хелена вынула картонную карточку и развернула её.

Мистер Фокс. Часовщик. Переулок Роуз, Кембридж

Хелена перевернула карточку и с колотящимся сердцем прочитала написанное на ней от руки:

Часы обязательно снова остановятся.
Ты непременно потеряешь всё.
Беги, пока ещё не поздно!

Глава 9 Побег Орбита

В ту ночь тиканье, бой и перезвон часов с нижних этажей не давали Хелене спать, девочка то и дело крутилась и вздрагивала в постели. «Часы обязательно снова остановятся» – это значит, что они уже останавливались, когда за ними следил мистер Фокс. Живот у Хелены упрямо и неотступно болел. Она, конечно, должна была рассказать отцу о своей тревожной находке, но за ужином он выглядел бледным и задумчивым и, отправляя в рот ложку за ложкой лукового супа, царапал что-то в блокноте. После еды он сразу же убежал работать, а Хелена убирала со стола, пока Стэнли мыл посуду. Девочка заметила, как он поглядывает на конверты, которые стояли на подоконнике, прислонённые к стеклу. Прикрыв глаза от усталости, Стэнли отскребал со дна кастрюли пригоревший лук и тяжело вздыхал. Хелена вдруг поняла, что из-за собственных волнений не заметила озабоченности Стэнли, и почувствовала угрызения совести.

Стэнли обернулся и увидел, что Хелена тоже смотрит на конверты.

– Мама пишет мне каждую неделю и даёт советы по ведению хозяйства, хотя ей и кажется странным, что я согласился на эту работу. Отец считает, что мне вообще нечего здесь делать, и всё время спрашивает, когда я вернусь, чтобы стать его помощником.

– Вот как? – ответила Хелена.

– Видишь ли, мой отец инженер, – продолжал Стэнли. – Он начинал подмастерьем, а теперь служит у мистера Остина, который конструирует и выпускает автомобили. Отец считает, что я должен пойти по его стопам, а не торчать здесь, в Кембридже, со своими книгами. Сейчас он ищет для фирмы мистера Остина новое здание под производство... а когда найдёт, хочет, чтобы я там работал.

– Надо же. Ваш отец и мистер Остин считают, что автомобили будут популярны? – спросила Хелена, подумав о растущем числе машин на улицах Лондона. Её отец считал это средство передвижения удивительным изобретением и часто рассказывал, как обрадовался, когда создатели «Локомотивного акта» 1896 года² сочли разумным увеличить скорость движения автомобилей в городе с трёх до двадцати двух километров в час. Но Хелене эти механические монстры казались шумными и громоздкими (к тому же они часто валялись сломанными на обочинах дорог). Рёву мотора и визгу тормозов девочка предпочитала стук копыт по булыжным мостовым.

– Да, автомобилей с каждым днём становится всё больше и больше, – сказал Стэнли. – Мистер Остин говорит, что сейчас их в стране около двадцати тысяч, а в следующие пять лет это количество вырастет в четыре раза. Но меня не привлекает работа в мастерской. Я хочу досконально изучить инженерное дело. Мой школьный учитель помог мне получить стипендию на обучение в гимназии. К удивлению родителей, оказалось, что у меня есть способности к наукам, и вот я здесь.

– Значит, вы здесь служите учителем? – поинтересовалась Хелена в надежде, что он расскажет ей о девочке и о том, какие уроки ей даёт.

Стэнли кивнул:

– Я прочитал объявление мистера Уэскотта в газете «Таймс». Во время собеседования я увидел библиотеку мистера Уэскотта и подумал, что она будет полезна мне в учёбе и поможет

² В 1865 году в Британии был принят закон под названием «Локомотивный акт», ограничивавший скорость движения механических экипажей по городу до трёх километров в час. В 1896 году очередной «Локомотивный акт» отменил это ограничение.

сэкономить деньги на книги. Потому я с радостью принял это предложение, но обстоятельства повернулись немного не так, как я представлял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.